

Игорь Немировский

Капитан Лебядкин и его литературное окружение

Igor Nemirovsky

Captain Lebyadkin among his Poetic Predecessors and Contemporaries

Игорь Немировский (издательство «Academic Studies Press», директор; доктор филологических наук) igor.nemirovsky@academicstudiespress.com.

Igor Nemirovsky (Dr. habil.; Director of Academic Studies Press) igor.nemirovsky@academicstudiespress.com.

Ключевые слова: вкус, канон, пародия, трикстер

Key words: taste, canon, parody, trickster

УДК: 82.091+82.193

UDC: 82.091+82.193

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_123

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_123

Поэзия капитана Лебядкина рассматривается как актуальное явление русской литературы середины XIX века. В то время как зависимость поэзии Лебядкина от предшественников (в лице поэтов XVIII века и поэтов 1830—1840-х годов, Бенедиктова и Мятлева) изучена достаточно хорошо, современная Лебядкину и значимая для его стихотворчества поэтическая среда прежде не становилась фокусом исследовательского интереса. Определение границ этой среды и номинация поэтов-современников, значимых для стихотворчества капитана Лебядкина, составляют основную тему предлагаемой статьи.

Captain Lebyadkin's poetry is presented as a then-contemporary phenomenon of Russian literature of the mid-19th century. While the dependence of Lebyadkin's work on his predecessors (in the person of poetics of the 18th century and poet of the 1830s—1840s, Vladimir Venediktov and Ivan Myatlev) has been well studied, the poetic environment contemporary to him and significant for his poetry has not previously been a focus of research interest. Determining the borders of this environment and naming his fellow poets that were significant for Lebyadkin's poetry constitute the main subject of the article.

В русской культуре сложилось отношение к поэзии капитана Лебядкина (далее — КЛ) как к самостоятельному культурному феномену, существующему независимо от романа Достоевского «Бесы». Примером тому может служить вокально-инструментальный цикл «Четыре стихотворения капитана Лебядкина» (1974), написанный Д.Д. Шостаковичем в те же годы, когда композитор создает циклы на стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Цветаевой, Микеланджело. Исследователи спорят относительно того, может ли КЛ быть вписан в этот ряд реально существовавших поэтов или же вокальный цикл на его стихи относится к числу пародийных произведений композитора, также создаваемых в последние годы его жизни¹.

1 Ср.: «В сущности, это проходное, малозначительное сочинение примерно того же качества, что и «Сатиры» на слова Саши Черного. <...> «Пустосместество» первых трех стихотворений дискредитировано чрезмерно примитивным тематизмом (мы прекрасно помним, насколько сложными и серьезными средствами пользовался Шостакович, портретируя не менее примитивных, чем Лебядкин, персонажей «Носа») и несколькими безвкусными стилистическими аллюзиями и прямыми цитатами» [Акопян 2004: 402].

Сложное отношение к поэзии КЛ нашло отражение и в статье В.Ф. Ходасевича «Стихи Игната Лебядкина»². Характерно, что в названии статьи исследователь использовал почти не употребляемое в романе имя КЛ — Игнат³. Тем самым Ходасевич хотел подчеркнуть определенное стилистическое родство между именами Игнат Лебядкин и Козьма Прутков. Это должно было указывать на принадлежность КЛ к числу «мнимых» поэтов⁴, притом что Ходасевич определил и глубокие различия между КЛ и Козьмой Прутковым.

Статья Ходасевича закрепила за КЛ статус амбивалентного явления: с одной стороны, его поэзия рассматривается как независимый от романа историко-литературный феномен, а с другой стороны — как средство пародии на литературные явления, находящиеся за пределами романа и прямо не связанные с задачами, стоявшими перед Достоевским во время работы над этим произведением. Последний подход дополняется попыткой вписать КЛ в один ряд с графоманами из романного творчества Достоевского: Видоплясовым, Смердяковым и Свидригайловым⁵. Представляется тем не менее, что в настоящее время превалирует тенденция не просто рассматривать стихи КЛ в одном ряду с творчеством настоящих поэтов, но и считать его поэзию своего рода предвестием русского поэтического авангарда, полем экспериментальной поэзии, не ограниченной рамками традиционных канона и вкуса. Так, И.З. Серман увидел в поэзии КЛ корни поэзии ОБЭРИУ, прежде всего Даниила Хармса и Николая Олейникова [Serman 1981: 601—605], а А.К. Жолковский поставил поэзию КЛ в один ряд с поэзией Велемира Хлебникова и Эдуарда Лимонова [Жолковский 1994].

Попытки определить роль поэзии КЛ внутри романа не были столь же плодотворны. Вызвано это тем, что образцы творчества КЛ, представленные в романе, имеют настолько разную стилистическую, жанровую и идеологическую природу, что становится сложно свести поэзию КЛ к единой смысловой, тематической или стилевой доминанте. Цель настоящего исследования — показать, что такую доминанту фигуры КЛ и его поэзии все же можно найти. Это определено тем, что как сцены внутри романа, в которых фигурирует КЛ, так и литературные явления вне романа, которые пародирует его поэзия, объединены между собой общей сверхзадачей.

1

Существование такой сверхзадачи определено тем, что КЛ явно выполняет функцию трикстера-двойника главного героя романа — Николая Ставрогина⁶.

2 Ходасевич В. Стихи Игната Лебядкина // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Соляное, 1996. С. 194—201.

3 В романе КЛ называется Игнатом всего лишь трижды. В большинстве случаев он определяется как «капитан».

4 Определение Ю.Н. Тынянова (см.: [Тынянов 1931: 7]).

5 Ср.: «Именно Достоевский был родоначальником той новой литературной эпохи, когда, перефразируя Карамзина, “и персонажи писать умеют”» [Жолковский 1994: 58].

6 Ср.: «На заре истории словесного искусства своеобразными двойниками часто представлялись мифологический “культурный герой” и мифологический плут, одновременно демонический и комический — трикстер. Эта архаическая структура впоследствии в трансформированном виде воспроизводилась в литературе, чаще всего

Сам КЛ неоднократно сравнивает себя с персонажем шекспировских пьес «Генрих IV», «Генрих V» и «Виндзорские насмешницы» — Фальстафом, а Ставрогина — с принцем Гарри. Подобно шекспировскому Фальстафу, трикстерному отражению принца Гарри, КЛ — фигура из беспутного прошлого протагониста романа Николая Ставрогина [Сох 1984]. В «настоящем» романа ситуационная близость КЛ к Ставрогину дополняется желанием донести на бывшего патрона. При этом сохраняется всегда имевшее место желание КЛ развлечь Ставрогина стихами, что проявляется во время их последней встречи.

Драматическая смерть КЛ, конечно, делает неполной параллель между ним и Фальстафом: шекспировский герой не умирает, и финал его сюжетной линии скорее комичен. Однако смерть КЛ не отменяет его связи со Ставрогиным, поскольку определенный параллелизм между КЛ и Ставрогиным сохраняется, и смерть Ставрогина следует вскоре после смерти КЛ. Важно, что и в целом соответствующие им сюжетные линии строятся сходным образом: Петербург, общее «революционное» прошлое, отказ от него и почти одновременная несвоевременная смерть. Причем если в «прошлом» КЛ был компаньоном Ставрогина, то в «настоящем» он становится своего рода его заместителем: к КЛ переходит от Ставрогина роль «значительного помещика» губернии», и в этом качестве, как бы замещая Ставрогина, КЛ делает предложение Елизавете Тушиной. Роль заместителя Ставрогина для КЛ заканчивается, когда тот появляется на страницах романа как активное действующее лицо, чему предшествует поэтический триумф КЛ — публичное чтение его философской басни «Таракан». Из этого следует, что стихотворчество КЛ и публичное чтение стихов ослабляют его роль как двойника-заместителя Ставрогина.

2

Представление исследователей о независимости поэзии КЛ от романного действия основано на том, что стихотворчество КЛ не связывается с его персонажной функцией в романе. Помимо этого, представление об автономности поэзии КЛ может определяться тем, что само стихотворчество КЛ приходит в «Бесы» из других, более ранних произведений Достоевского, а именно из неоконченных повести «Картузов» и романа «Зависть»⁷. Персонаж, наделенный поэтическим даром, именовался там «капитаном Картузовым». При этом, несмотря на одинаковое военное звание, Картузов и КЛ не тождественные друг другу герои, поскольку Картузов — протагонист, а КЛ — трикстер. В развитии сюжетной линии романов их поэтический дар играет разную роль [Serpan 1981: 598—600]. В незаконченных романах наделенность капитана Картузова поэтическим даром находит объяснение (очевидно неполное в силу незаконченности этих произведений), только если предположить его затекстуальную направленность, то есть поэзия Картузова была нужна Достоевскому исключительно для того, чтобы выразить свое отношение к некоторым явлениям,

---

бессознательно, т.е. без ориентации на традицию. Именно такие архаические образы мы часто находим в творчестве Достоевского, который имел склонность выходить за бытовые и даже социальные пределы в сферу вечных и даже космических проблем» [Мелетинский 2001: 114]. О роли трикстера см. также: [Липовецкий 2009].

7 *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1990. С. 675, 677.

находящимся за пределами романа. Так, оба стихотворения, написанные Карпузовым, «Амазонка» и «Таракан», имеют в своем подтексте произведения старших современников Достоевского: это «Наездница» Бенедиктова и «Фантастическая высказка» Мятлева⁸. Особенно внятно различима зависимость стихотворения «Амазонка» от стихотворения Бенедиктова «Наездница»:

Люблю я Матильду, когда амазонкой
Она воцарится над дамским седлом,
И дергает повод упрямой рученкой,
И действует буйно визгливым хлыстом⁹.

Это стихотворение имело среди современников репутацию самого вульгарного и дурновкусного произведения из всего творчества Бенедиктова. Определил эту репутацию не кто иной, как Белинский в ставшей знаменитой рецензии на поэтический сборник Бенедиктова: «...мы почитаем упомянутое стихотворение г. Бенедиктова очень неблагопристойным, и сверх того видим в нем решительное отсутствие всякого вкуса»¹⁰. Отзыв Белинского кардинальным образом изменил отношение к Бенедиктову поколения, к которому принадлежал Достоевский, как об этом написал в своих «Воспоминаниях о Белинском» (1868) относившийся к этому же поколению И.С. Тургенев:

Стихотворения Бенедиктова появились в 1836 году маленькой книжечкой с неизбежной виньеткой на заглавном листе — как теперь ее вижу — и привели в восхищение все общество, всех литераторов, критиков — всю молодежь. И я, не хуже других, упивался этими стихотворениями, знал многие наизусть, восторгался «Утесом», «Горами», и даже «Матильдой» на жеребце, гордившейся «усестом красивым и плотным». Вот, в одно утро зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранжэ появился номер «Телескопа» с статьей Белинского, в который этот «критикан» осмеливался заносить руку на наш общий идол, на Бенедиктова. <...> Прошло несколько времени — и я уже не читал Бенедиктова¹¹.

3

Присутствие Белинского в романе «Бесы» — давно отмеченный исследователями факт [Кирпотин 1976: 163—179]. Начнем с того, что незаконченные романы о капитане Карпузове отражают детали жизни Достоевского 1845—1846 годов, на которые приходится дружба писателя с Белинским. Местом действия романов стал Ревель. Здесь служил военным инженером брат писателя, М.М. Достоевский, и Ф.М. Достоевский несколько раз за это время приезжал к нему в гости [Летопись 1999: 84, 98—99, 117—119]. В 1845 году по просьбе писателя семья его брата принимала в Ревеле жену Белинского, М.В. Белин-

8 Там же. С. 817.

9 Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1983. С. 85.

10 Белинский В.Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Статья // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 370.

11 Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Сочинения. Т. 11. М.: Наука, 1982. С. 22.

скую [Там же]. В одной из сцен романа «Картузов» капитан Картузов читает стихотворение «Амазонка» своему начальнику, генералу, командиру инженерной части. Суровый отзыв Белинского о стихотворении Бенедиктова «Наездница» Достоевский вкладывает именно в его уста:

Наслаждений? (Скривил рот генерал.) <...> Это каких же таких наслаждений вы изволите желать, М<илостивый> Г<осударь><?> И так бесстыдно, могу даже сказать, бессовестно выражаете вашу мысль... Имели ли вы до брака какое-нибудь право?

— Поэтическая мысль, В<аше> П<ревосходительст>во, в поэзии позволительно...

— Вздор, М<илостивый> Г<осударь>, вздор... неблагопристойности нигде непозволительны...¹²

Реплика генерала не просто повторяет отзыв Белинского о стихотворении Бенедиктова «Наездница», но и указывает на то, что именно Белинский, а не Бенедиктов, был объектом пародии Достоевского. Оценка, изменившая отношение к стихам Бенедиктова целого поколения, вкладывается в уста глупого начальника и приобретает характер антипоэтического, филистерского суждения. Высказывание Белинского о «неблагопристойности» стихотворения Бенедиктова получает тот необходимый для возникновения пародийного эффекта смысловой сдвиг, о котором писал Ю.Н. Тынянов [Тынянов 1977а]. Никакой роли в развитии сюжета незаконченного романа стихотворение Картузова не имеет, хотя и характеризует героя как человека, пишущего стихи, которые представляют собой отрывку романтизма, но имеющего при этом собственную литературную позицию. Позиция эта состоит в следующем: в поэзии «позволительно» то, что «неблагопристойно» в прозе.

Зависимость стихотворения Картузова «Амазонка» от стихотворения Бенедиктова и соответствующей ему оценки Белинского выражена более явно, чем в любовных стихах КЛ. Происходит это потому, что большое стихотворение Картузова, переходя из незаконченных романов в «Бесы», в творчество КЛ, дробится там на три коротких стихотворения, связанных между собою общей темой любви к Елизавете Тушиной: «Звезде-амазонке» («И порхает звезда на коне»), «Совершенству девицы Тушиной» и «Краса красот сломала член» (см.: [Serman 1981: 599]). Их зависимость от стихотворения Бенедиктова и отзыва Белинского становятся почти неразличимыми, тогда как роль каждого из этих трех стихотворений в развитии романного действия возрастает. Каждое из них определенным образом привязано к поворотам любовной истории КЛ и становится катализатором романного действия, определяя смысловую рему соответствующих сцен.

Важным элементом презентации стихов КЛ является автокомментарий. Так, очное знакомство читателя с КЛ начинается с его поэтического автопредставления:

Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий. —

12 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10. СПб.: Наука, 2021. С. 107—108. См. об этом: [Serman 1981].

и сопровождается прозаическим автокомментарием: «Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий, но каковы же рифмы!»¹³

Эта коллизия — безрукий ветеран, влюбленный в аристократку¹⁴, — совершенно исчезает уже в следующем стихотворении, которое также читается в рамках сцены «первое явление капитана Лебядкина» и открывает любовную линию «КЛ — Елизавета Тушина». При этом как стилистически, так и содержательно оно составляет контрастную пару со стихотворением «Любви пылающей граната» и полностью меняет стилевую парадигму поэзии КЛ, обнажая феерическую природу происшедшей с ним перемены: из псевдокапитана Лебядкин превращается в «помещика нашей губернии, да еще довольно значительного, потому что Николай Всеволодович ему все свое поместье, бывшие свои двести душ на днях продали»¹⁵. При этом остается неясным, кто дал стихотворению его название «Звезде-амазонке». Так его не называют ни сам КЛ, ни рассказчик. Название как бы прилипает к стихотворению и являет собой редкий пример прямого вмешательства в романский нарратив самого Достоевского.

Ввод в роман следующего произведения КЛ, стихотворения «Совершенству девицы Тушиной», также происходит через его публичное чтение. И хотя сам автор при этом не присутствует — стихотворение зачитывается его адресатом, Елизаветой Тушиной, — тем не менее и этот текст сопровождается автокомментарием в форме прилагаемого к стихотворению письма. Здесь повторяется мысль капитана Каргузова, высказанная им в диалоге с его начальником, о том, что в стихах пристойно то, что неблагопристойно в прозе. КЛ формулирует ее так: «Смотрите как на стихи, но не более, ибо стихи все-таки вздор и оправдывают то, что в прозе считается дерзостью»¹⁶. Смысловой статус этого суждения как ответа Белинскому можно восстановить, хотя связь стихотворения «Совершенству девицы Тушиной» со стихотворением Бенедиктова «Наездница» малозаметна в силу того, что стихотворение КЛ «Совершенству девицы Тушиной» принадлежит к иной поэтической системе, чем та, к которой относятся стихотворения капитана Каргузова и Бенедиктова. Оба этих стихотворения стилистически принадлежат позднему романтизму, тогда как стихотворение КЛ «Совершенству девицы Тушиной» имитирует стиль определенного среза русской поэзии XVIII века. Зависимость поэзии КЛ от литературы этого периода, в особенности от поэзии Тредиаковского, должна стать предметом нашего отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

4

Интересно и важно, что общепризнанные источники поэзии капитана, стихотворения «Наездница» и «Фантастическая высказка», не относятся к числу произведений, отмеченных чертами архаизации. Напротив, современники воспринимали Бенедиктова и Мятлева как поэтов ультрасовременных. Возможно,

13 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10. С. 103.

14 Ср.: «Представленная Достоевским в комическом ключе тема героизма и инвалидности восходит к определенному литературному источнику — сатире Сумарокова “Безногий солдат” (1759)» [Бланк 2012: 28].

15 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10. С. 104.

16 Там же. С. 115.

поэтому связь между стихотворением КЛ «Таракан» и стихотворением Мятлева «Фантастическая выказка» (1838) определяется только общностью энтомологической темы. При этом у Мятлева отсутствует крайне важный прозаический контекст, в рамках которого КЛ формулирует свою «философию природы» и отстаивает право стихотворения «Таракан» называться басней. Скорее всего, на это стихотворение Мятлева, как и на стихотворение Бенедиктова «Наездница», Достоевский смотрел через призму оценок Белинского, который считал обоих поэтов, в особенности Бенедиктова, выпадающими из утверждаемого им, Белинским, эстетического канона. Как отметила Л.Я. Гинзбург (на ее оценки также повлиял Белинский), Мятлев и Бенедиктов относились к одному направлению или даже, можно сказать, к одному классу поэзии, которую исследовательница определила как «вульгарный романтизм» [Гинзбург 1972: 31]. К этому направлению в его сниженном виде примыкает тот пласт русской поэзии сороковых-пятидесятых годов, который послужил питательной средой поэзии КЛ в наибольшей степени. Белинский аттестовал его как «размашистый романтизм» и вел непримиримую борьбу с его многочисленными представителями в русской литературе сороковых годов¹⁷. Критик еще называл их «серобумажными» поэтами¹⁸.

Больше других доставалось поэту, чье творчество стилистически, тематически и, так сказать, в энтомологическом аспекте представляется нам лежащим гораздо ближе к творчеству обоих капитанов, Картузова и Лебядкина, чем поэзия Бенедиктова и Мятлева. Это был Афанасий Евдокимович Анаевский (1788—1866), автор пяти поэтических сборников (см.: [Рейтблат 1989]), включивших много сочинений, стилистически близких поэзии КЛ. Одно из них по форме и по содержанию особенно схоже со стихотворением КЛ «Таракан»:

Мухи скакали.
Мухи плясали.
Все полетели.
И уж запели.
Мухи резвились
И веселились:
Пищу сыскали.
В деготь попали,
Ноги связали
И все пропали¹⁹.

Энтомологическая тема, особенно любимая Анаевским, была представлена в его творчестве не только «мухами», но и натуралистскими наблюдениями о пауке:

Испытатели природы: философ Ксенофонт и оратор Сократ, между разговоров своих, по изысканию, изложили, что в природе из различных родов пауков, одна порода есть язвительная и, что если паук укусит сонного человека в губы, то он сходит с ума и умирает, но если яд паука в человеке, звере и скотах не подейству-

17 *Белинский В.Г.* Общая идея народной поэзии // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 298.

18 *Белинский В.Г.* Повести Марьи Жуковой // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 110.

19 *Анаевский А.* Жезл правоты. Сочинение и труды Афанасия Анаевского. СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1852. С. 44—45.

ет, то самый паук сходит с ума и умирает по причине, что не успел выпустить в уязвленную рану всего из себя яда²⁰.

Сентенция о сумасшедших пауках получает у Анаевского актуальную политическую проекцию:

Находясь этих высоких понятий ученые люди: Ксенофонт и Сократ под республиканским правлением, говорили, что власть, подобная республиканской, в ней поручается хитрым гражданам управление городами без заслуг, и эти не практикованные граждане уподобляются иногда паукам, которые сонных людей кусают и сами погибают²¹.

Упомянутые Анаевским «испытатели природы» ассоциативно связаны, на наш взгляд, с «олицетворяющим Природу» Никифором, а натурофилософия Анаевского в целом повторяет философию КЛ, состоящую в том, что и инфузории «чувствовать умеют».

Энтомологическая тема представлена и в другом стихотворении Анаевского, «Дятел и пчелка», которое стихотворец, подобно КЛ, предлагает считать басней:

Маленькая насекомая,
Вот как эфиром влекома:
В воду к несчастью упала,
Мучась где, чуть не пропала.
И, в то же время перната,
Ястребом в воду загната.
К счастью на плавущую доску взошли,
Там они дружбу свели,
И обсушась полетели,
На самородинку сели;
Но тут охотник сидел,
В Дятла стрелять он хотел.
Пчелка тут вверх завилась.
Тот час охотнику жалом за палец впиалась.
Пчелка добром награждает...
Но уязвив кого, тут умирает.
Дятла спасла и с ним в дружбе разсталась,
Но не в воде, а героем скончалась²².

И так же, как КЛ, Анаевский сопровождает стихотворение глубокомысленным прозаическим комментарием. Упоминание о дактило-хорее может указывать на общий источник для Анаевского и КЛ — поэзию «дактило-хорейского рыцаря» Третьяковского:

Сего рода стихи читать должно прилично дактило-хорее т.е. как в музыке бывает Stocatto.

Поэзия для себя требует: 1) Природных дарования. 2) Науку ея знания. 3) Упражнение. 4) Знание других наук. 5) Подражание авторов²³.

---

20 Там же. С. 81.

21 Там же. С. 81—82.

22 Там же. С. 52—53.

23 Там же. С. 53.

Сходство между поэзией Анаевского и КЛ не исчерпывается приведенными выше примерами. Так, стихотворение КЛ:

Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий²⁴, —

представляется имитацией стиля басни Анаевского:

Не дар, а слезы покатились у Демьяна,
Его все сети перегрызла обезьяна.
Демьян был не дурак,
И ну в сетях вертеться так и сяк,
А обезьяны из далека на него смотрели,
И так же сделать сами все хотели.
Демьян поставил сети — сам отшел,
Пождал и, чтож нашел?
Прибегла не одна уж обезьяна
И ну кружится на сетях Демьяна
Прыг, прыг туда, сюда.
Ахти беда!²⁵

Сходство между двумя стихотворениями подчеркивается стилистически перекликающимся именами «Игнат — Демьян» и соответствующим этим именам редким рифмам «Игната — граната» и «Демьяна — обезьяна». Конечно, стихотворение КЛ выигрывает в силу своей краткости, близкой к афористичности, зато уступает басне Анаевского в назидательности.

Анаевский и КЛ особенно близки в области любовной лирики. Так, КЛ мог бы подписаться под следующим стихотворением Анаевского:

Амур прекрасное дитя,
Венком кидается шутя,
И девушек боится,
От них бежит, стыдится,
И с пташками лишь он играет.
Златыми крыльями их обнимает.
Так Лиза говорила, —
Но вдруг стрела ее пронзила,
И Лиза стала без ума.
Отколь ей грусть: не может знать сама²⁶.

Сходство между этим стихотворением и любовным признанием КЛ «О как мила она / Елизавета Тушина» усиливается за счет употребления обоими поэтами значимого для русской любовной лирики имени Лиза.

---

24 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10. С. 103.

25 *Анаевский А.* Жезл правоты... С. 57—58.

26 Там же. С. 63.

Отмеченные выше параллели между поэзией Анаевского и стихами КЛ указывают на их глубокое родство, определенное принадлежностью к одной поэтической системе, которую можно обозначить как русскую третьестепенную поэзию сороковых-пятидесятих годов. Как уже было сказано выше, многочисленные поэты, принадлежащие к этой категории, были объектом постоянной уничижительной критики Белинского. При этом особого внимания критика удостоился Анаевский. Ему Белинский посвятил отдельную рецензию²⁷, в которой Анаевский был провозглашен самым бездарным и одиозным из всех сочинителей:

Да, г. ассессор и кавалер Афанасий Анаевский — просто гений! Он победил и Федота Кузьмичева, сына природы, который берет мысли из-под черепа, и г. Клас-сена, именующего себя бездарным и паровую затычкой, и г. Милькеева, *упоительно* воспевшего в громкой оде русскую сивуху, и г. Бранта, автора «Жизни, как она есть», и всех бывших, сущих и будущих сочинителей в этом роде! Хвала ему! В его лице Петербург победил Москву с ее Орловыми, Кузьмичевыми, Клас-сенами и со всею ее литературою и журналистикою в настоящее время!²⁸

Характеристика Белинским Анаевского напоминает отзывы критика о Тредиаковском. Оба не просто бездарны, они чемпионы в порождении абсурда. Это делает Тредиаковского «бессмертным» в глазах Белинского и выделяет Анаевского из ряда других «серобумажных поэтов». И действительно, «слава» Анаевского как лидера в производстве поэтической галиматии росла на протяжении пятидесятих и шестидесятих годов. В этом своем качестве Анаевский был отмечен такими известными критиками, как Пыпин, Некрасов и Чернышевский [Рейтблат 1989].

Стихи КЛ не пародируют поэзию Анаевского, а имитируют эту поэзию, потому что стихам КЛ, как и стихам Анаевского, свойственны все родовые черты русской третьестепенной поэзии сороковых годов — мнимая глубина, вписанность в псевдофилософский прозаический контекст и ориентированность на русскую поэзию XVIII века.

К этому стоит добавить, что в рецензиях Белинский называет Анаевского «ассессором и кавалером»²⁹, то есть почти капитаном. Чины ассессора и капитана почти равны в Табели о рангах, и, хотя титулование Белинского имеет иронический характер, поэтический статус обоих стихотворцев определяется через чин. Важной, таким образом, оказывается биографическая обусловленность поэзии Анаевского: его бездарность является выражением его архетипической принадлежности к чиновничьему сословию. Он не просто плохой поэт, он чиновник, пишущий стихи, — так определил его А.Н. Пыпин:

В литературу введен был писатель, который очевидно был карикатурой, — тупоумный или одурелый чиновник, который считал себя и мудрым, и благонамеренным. По странной случайности, около этого времени заехал в Петербург мелкий провинциальный чиновник, хлопотать о своих делах. Это был некто Афанасий Анаевский, известный тогда в литературе также, как во времена Пушкина изве-

27 Белинский В.Г. Юродивый мальчик в уродливом железном клубке. Сочинение ассессора и кавалера Афанасия Анаевского // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 160—162.

28 Там же. С. 162.

29 Белинский В.Г. Юродивый мальчик в уродливом железном клубке... С. 162.

стен был Александр Анфимович Орлов, — автор целого ряда небольших книжек, совсем серьезных по намерению автора, но чудовищных по своей нелепости [Пыпин 1905: 17].

Пародийная важность, которую приобретает биография Анаевского в оценках критиков, указывает на то, что Анаевский становится не просто часто упоминаемым плохим поэтом, а самостоятельным персонажем литературы пятидесятых годов, законченным и не требующим дальнейшего «усовершенствования» отражением в литературе феномена чиновника, пишущего галиматью. При этом к литературе стали относиться не только его нелепые стихи, но и чин, перипетии служебной карьеры и количество детей. А.Н. Пыпин назвал Анаевского прототипом Козьмы Пруткова:

Афанасий Анаевский... [стал] как бы прототип Кузьмы Пруткова; книжки носили, например, такие названия: «Энхиридион любознательный», «Жезл», «Экзалтацион и 9 муз», «Мальчик, взывавший в садах Тригуляя», и т.п. [Там же].

Сближение Анаевского с Козьмой Прутковым порождает вопрос, стоит ли Козьма Прутков между Анаевским и КЛ (о том, как соотносятся фигуры КЛ и Козьмы Пруткова, напомним, писал Ходасевич). Представляется, что ответ на него — отрицательный, и для авторов обеих персонажей, КЛ и Козьмы Пруткова, творчество Анаевского стало моделью, на которую они ориентировались независимо друг от друга. Общим в подходе Достоевского к созданию стихов КЛ и в подходе авторов стихов Козьмы Пруткова стало то, что стихи плохих поэтов не пародировались (пародирование предполагает снижение, а снижать было дальше некуда), а имитировались. Как писал об этом Б.Я. Бухштаб,

вымышленный автор этих пародий Козьма Прутков осознает себя не пародистом, а подражателем: он отнюдь не для смеха, а самым серьезным образом воспроизводит любые штампы романтической поэзии, полный уверенности в своем поэтическом величии [Бухштаб 1972: 52].

Впрочем, Ю.Н. Тынянов все-таки усматривает определенные элементы пародийности в образе Козьмы Пруткова: «Явление Козьмы Пруткова... <...> ...любопытно полным, завершенным характером пародийной личности, не опирающимся на какую-либо живую литературную биографию» [Тынянов 1977а: 309]. Это соображение не содержит противоречия с утверждением Бухштаба о том, что Козьма Прутков — это не пародия, а имитация, но предполагает, на мой взгляд, в образе Козьмы Пруткова большую степень условности, то есть меньшую биографическую обусловленность творчества, чем у Анаевского и тем более у КЛ. Козьма Прутков стал обобщением довольно длинного списка «серобумажных» поэтов, ставших в сороковых-пятидесятых годах характерными фигурами русского литературного процесса.

Литературный кружок, куда Достоевский попал в середине сороковых годов и где задавали тон Белинский, Тургенев, Некрасов и Панаев, сделал имитацию «серобумажных» поэтов своей литературной миссией. Апофеозом ее стало создание цельного образа плохого поэта, чье творчество составлено из пародий на поэтов-современников, — Нового поэта [Там же: 287—288]. Его стихи, появляющиеся на страницах журналов, которые издавали Панаев и Некрасов («Отечественные записки» и «Современник»), сопровождалась подчас псевдоглубокомысленным комментарием, где обнажался пародийный под-

текст произведения и называлась «мишень», то есть пародируемый современный поэт³⁰. Стихи Нового поэта пародировали Бенедиктова, Языкова, Распечину и других вполне уважаемых поэтов, которые, как считалось, пережили свою эпоху и в сороковые годы воспринимались как эпигоны самих себя. Иногда объектами пародий Нового поэта становились стихи Пушкина, поскольку в контексте эпохи «угара романтизма» они казались стилистической квинтэссенцией ложноромантической поэзии. Это происходило в основном потому, что пушкинские стихи становились доступны публике много лет спустя после их написания, в поздних посмертных публикациях.

Хотя стихи Нового поэта в техническом отношении были значительно совершеннее стихов КЛ, они также могли быть источником его поэзии: типологически Новый поэт и КЛ принадлежали к одному ряду «мнимых» поэтов, в образе Козьмы Пруткова получивших свое самое известное, но далеко не единственное воплощение. Впрочем, отдельные стихотворения Нового поэта, пародирующие поэзию Бенедиктова, могли быть связаны со стихотворением КЛ не только типологически, но и генетически. Так, источником стихотворных посланий капитана Каргузова и КЛ амазонке могло быть стихотворение Нового поэта «К Фанни Эльслер», пародийно направленное против «Наездницы» Бенедиктова и имеющее подзаголовок «Подражание одному московскому стихотворцу»:

Фанни милая порхала
Амазонкой и с ружьем,
Грациозно приседала
И летела напролом,
А сценические площадки
Света яркою струей
Освещали ее ножки.
Фанни! я поклонник твой!³¹

Это стихотворение вошло в выпущенный в 1855 году Панаевым сборник пародий-имитаций Нового поэта³². Сборник едва ли мог быть не замечен Достоевским, потому что одновременно с ним Панаев опубликовал пасквиль на самого Достоевского, названный «Литературные кумиры и кумирчики» и подписанный Новым поэтом³³. В этот сборник вошли эпизоды из биографии Достоевского, отраженные в скандально известной эпиграмме Некрасова, Тургенева и Панаева «Послание Белинского» (1846 или 1847)³⁴, а именно — эпизод с каймой (см.: [Чуковский 1949: 390]) и обморок пред «барышней с пушистыми бук-

30 [Панаев И.И.] Письмо Нового поэта к издателям «Современника» // Современник. 1850. № 11. Отд. VI. С. 92—97.

31 Там же. С. 97.

32 Панаев И.И. Собрание стихотворений Нового поэта. СПб.: Тип. Гл. штаба по воен.-учеб. заведениям, 1855.

33 [Панаев И.И.] Заметки Нового поэта о петербургской жизни // Современник. 1855. № 12. Отд. V. С. 235.

34 Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым и И.Н. Панаевым написано пародийное послание Белинского Д-му «Витязь горестной фигуры...» (см.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 423—424; Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 332.

лями»³⁵. Как представляется, Достоевский не остался в долгу перед своими обидчиками, Некрасовым и Панаевым. Некоторые черты биографии КЛ пародируют отношения между Панаевым, с одной стороны, и Некрасовым и Авдотьей Панаевой — с другой. Таков треугольник «супруги Вергинские — капитан Лебядкин». Сходство возникает за счет того, что КЛ не просто становится любовником Вергинской, но и переезжает к ним в дом и живет с обоими супругами под одной крышей. Есть в биографии КЛ и другие черты, воспроизводящие биографию Некрасова. Так, стремление КЛ сделать донос, возможно, отражает слухи, циркулировавшие в кругу Герцена и Огарева, об имевшей место угрозе политического доноса на Огарева, сделанного Некрасовым через Тургенева³⁶. Об этом эпизоде Достоевский мог знать от самого Огарева, с которым писатель близко общался в Женеве в год, непосредственно предшествовавший работе над романом. Даже наличие у КЛ сестры, игравшую очень важную роль в его жизни, — это, возможно, также черта, взятая из биографии Некрасова³⁷.

5

Как стихи КЛ, так и реализуемая им в романе сверхзадача не сводятся к имитации персонажности третьестепенного русского поэта. И поэзия КЛ, и его биография отражают не только относительно простые литературные явления сороковых годов (такие как русская третьестепенная поэзия), но и значитель-

---

35 См. также статью, приписываемую Достоевскому, «Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г-на Панаева и “Нового поэта”» (Время. 1861. № 1).

36 Ср.: «Вот что писала Н.А. Огарева-Тучкова Е.С. Некрасовой: “Помню живо, что я была одна дома. Приходит Тургенев и говорит: “Мне нужно было видеть Огарева, но так как его дома нет, передайте ему, что Некрасов просит его не распространяться так о письмах к М.Л., потому что у него есть письма Огарева, которые он в таком случае представит куда следует”. “Это донос, — вскричала я. — И вы, Тургенев, берегись за такое поручение, и этот человек — ваш друг!” Тургенев окинул меня ленивым взглядом и сказал: “Да, я его люблю”. <...> В “Воспоминаниях” напечатано: “Раз Тургенев зашел к нам в Петербурге в отсутствие Огарева и сказал мне: “Я хотел передать Огареву поручение Некрасова, но все равно, вы ему скажите. Вот в чем дело: Огарев показывает многим письма Марьи Львовны и позволяет себе разные о них комментарии. Скажите ему, что Некрасов просит его не продолжать этого, в противном случае он будет вынужден представить письма Огарева к Марье Львовне куда следует, из чего могут быть для Огарева очень серьезные последствия”. — Это прекрасно, — вскричала я с негодованием, — это угроза доноса en toute forme [по всей форме], и он, Некрасов, называется вашим другом, и вы, Тургенев, принимаете такое поручение!”» (Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева — Панаевой) по архивным материалам. М.; Л.: Academia, 1933. С 123—124).

37 Ср.: «Знакомых в Женеве у нас не было почти никаких. Федор Михайлович всегда был очень туг на заключение новых знакомств. Из прежних же он встретил в Женеве одного Н.П. Огарева, известного поэта, друга Герцена, у которого они когда-то и познакомились. Огарев часто заходил к нам, приносил книги и газеты и даже сужал нас иногда десятью франками, которые мы при первых же деньгах возвращали ему. Федор Михайлович ценил многие стихотворения этого задушевного поэта, и мы оба были всегда рады его посещению» (Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. С. 188).

но более сложные черты биографий и творчества литературных оппонентов Достоевского³⁸. При этом характер отражения сложных литературных явлений в романе отличается от того, как здесь воспроизводятся явления, условно говоря, простые. Третьестепенная поэзия имитируется, то есть бережно переносится в роман со всеми своими мелкими детальками, тогда как сложные явления — мотивы реальных биографий — действительно пародируются. В отношении их происходит тот семантический сдвиг, который Ю.Н. Тынянов считал главным признаком пародии как художественного приема [Тынянов 1977а]. Казалось бы, в силу того, что условно простые явления, которые в романе имитируются, должны распознаваться читателем с большей легкостью, чем условно сложные, которые Достоевским пародируются. Но происходит обратное, и пародируемые Достоевским сложные объекты значительно более узнаваемы, чем простые [Цейтлин 1930: 16—23].

Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, в начале семидесятых годов, когда роман был опубликован, русская третьестепенная поэзия середины века отошла в недалекое, но уже очень хорошо забытое прошлое. Во-вторых, обнажение корней поэзии КЛ, уходящих в русскую третьестепенную поэзию, по-видимому, не входило в число задач, которые писатель ставил перед собой, приступая к работе над «Бесами». Первоначальный замысел Достоевского, как известно, состоял в желании написать «роман-памфлет» и задать плети «нигилистам и западникам»³⁹ в лице их идейных лидеров Грановского, Тургенева и Герцена, а вовсе не русским третьестепенным поэтам, хотя, конечно, пребывание КЛ среди революционеров соответствовало представлению Достоевского о том, какого качества поэзия «обслуживает» этот круг. В романе-памфлете прототипичность образов должна была проступать выпукло и узнаваемо. Однако это происходило не всегда: многие явления эпохи сороковых годов, описываемой в семидесятые годы, тоже могли быть забыты и потому не распознавались ни читателями романа, ни позднейшими комментаторами [Бахтин 2002: 14, 37].

6

Отражение в романе литературной ситуации сороковых годов, проявляющееся в активном, хотя и диссоциированном присутствии Белинского, предполагает появление рядом с ним его идейного антипода — Гоголя. И действительно, Гоголь предсказуемо появляется на страницах романа⁴⁰. При этом черты некоторых гоголевских персонажей исследователи усматривают именно у КЛ. Так, было отмечено портретное сходство КЛ с Ноздрёвым [Карпов 1997]. Упомянутая в поэзии КЛ его псевдобезрукость определяет параллель с другим безру-

38 См. письмо Ф.М. Достоевского к М.М. Достоевскому 17 декабря 1846 года, Санкт-Петербург, в котором он признается: «Пишу я с рвением. Мне всё кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою...» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 135).

39 См. письмо Ф.М. Достоевского Н.Н. Страхову, 24 марта (5 апреля) 1870 года, Дрезден (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 112—113).

40 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10. С. 105, 230; ср.: [Фридлиндер 1987: 10—11].

ким капитаном — с гоголевским капитаном Копейкиным. Но конечно, самым значимым проявлением гоголевской темы в романе стало самоуподобление КЛ Гоголю времен «Выбранных мест»:

— Но теперь всё, всё проехало, и я обновляюсь, как змей. Николай Всеволодович, знаете ли, что я пишу мое завещание и что я уже написал его?

— Любопытно. Что же вы оставляете и кому?

— Отечеству, человечеству и студентам. <...> Но конец перу. Написал только одно стихотворение, как Гоголь «Последнюю повесть», помните, еще он возвещал России, что она «выпелась» из груди его. Так и я, пропел, и баста.

— Какое же стихотворение?

— «В случае, если б она сломала ногу»!

— Что-о?

Того только и ждал капитан. Стихотворения свои он уважал и ценил безмерно, но тоже, по некоторой плутовской двойственности души, ему нравилось и то, что Николай Всеволодович всегда, бывало, веселился его стишками и хохотал над ними, иногда схватясь за бока⁴¹.

Как показал Ю.Н. Тынянов, еще до создания «Бесов» Гоголь времен «Переписки» становился объектом пародии Достоевского в образе Фомы Опискина [Тынянов 1977б; Фридлендер 1987: 16–20]. Однако уподобление КЛ себя Гоголю не только явно (в случае с Фомой Опискиным гоголевская параллель явилась все-таки реконструкцией Тынянова), но и более широко отражает известные эпизоды из биографии Гоголя. Так, способность стихотворений КЛ вызывать «хохот» приводит на память известный отзыв Пушкина о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в «Письме к издателю “Литературных прибавлений” к “Русскому инвалиду”»: «Мне сказывали, что наборщики помирали со смеху, набирая книгу»⁴². Можно сказать, что, давая отсылку к этому начальному пункту биографии Гоголя и в то же время упоминая его последнее произведение — «Выбранные места», КЛ отражает в кривом зеркале собственной судьбы творческий путь Гоголя во всей его протяженности, от «Вечеров» (первой книги Гоголя) до «Выбранных мест». Последняя сцена романа, где действует КЛ (разговор КЛ со Ставрогиным), содержит все гоголевское, воплощенное в КЛ. Так, именно в этой сцене КЛ, подобно Гоголю в последний год жизни, впавшему в состояние мрачного аскетизма, пишет завещание и называет себя «раскаившимся вольнодумцем». Глубина параллели между КЛ и Гоголем отражает двойственность, которая была характерна для отношения Достоевского к Гоголю: художественные произведения, более всего «Мертвые души», Достоевский ценил, а «Выбранные места» писатель считал вовсе лишёнными художественности⁴³. И вряд ли случайно КЛ упоминает именно тех поэтов, которых цитирует или к которым обращается Гоголь в «Выбранных местах»: Вяземского, Жуковского и Дениса Давыдова. Таким образом, в романе обращение к этим именам получает двойственный характер: они важны для Достоевского и как поэты «Арзамаса», и как адресаты писем Гоголя из «Выбранных мест».

41 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд, испр. и доп. Т. 10. С. 229–230.

42 *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. С. 89

43 См. высказывания на этот счет в «Дневнике писателя»: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 106.

Некоторыми ключевыми чертами своей личности КЛ повторяет еще одного, наряду с Жуковским и Вяземским, персонажа и адресата писем Гоголя из «Выбранных мест» — Николая Языкова. Так, перманентно характерное для КЛ состояние опьянения является общеизвестной чертой личности Языкова, отраженной в его творчестве. Современники воспринимали его как апологета пьянства, самого постоянно находившегося подшофе. Пушкин говорил, что «кастальский ключ, из которого пил Языков, течет не водой, а шампанским» (см.: [Мирский 1992: 169]). В пародийном обращении Некрасова к Языкову «Послание к другу (Из-за границы)» на первый план выводились такие его качества, как разгул и пьянство:

«Будет Руси сын почтенный,
Будет дока и герой,
Будет наш — и непременно
Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти:
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд, и радостен, и пьян!⁴⁴

Как отметил современный исследователь, внешность Ноздрёва, в свою очередь отраженная во внешности КЛ, повторяет определенные черты внешности Языкова «разгульного» периода. Таким Ноздрёва видел первый иллюстратор «Мертвых душ», художник Агин (см.: [Карпов 1997]). Сходство между КЛ и Языковым не ограничивается внешностью и любовью к горячительным напиткам. Динамика жизненного пути КЛ, состоявшая в переходе от пьянства, разгула и вольнодумства в первую половину жизни к состоянию мрачной трезвости и «раскаяния», напоминает драматургию биографии Языкова. Он тоже под конец жизни бросил пить, сделался мрачен, желчен и перешел на охранительные позиции. В этот период своей жизни Языков прославился стихотворным посланием «Не-нашим» (1844). В кругу Белинского оно было воспринято как донос на русских либералов и западников, прежде всего на Чаадаева⁴⁵. В определенной степени стихотворение стало ответом на статью Белинского «Педант» (1842), уже процитированную нами, и, в свою очередь, направленную против близкого Языкову С.П. Шевырёва. Напомню, что Шевырёв, выведенный под пародийным именем поэта Картофелина, уподоблялся здесь Тредиаковскому [Абашева 2012].

В статье Белинского пародийно обыгрывалось характерное для русской литературы сороковых годов понятие «наши». Противопоставление «наших» «не нашим» стало важной частью литературной полемики сороковых годов, проявлением литературного и идеологического сектантства, характерного для этой эпохи и отраженного Герценом в главе «Не наши» «Былого и дум» и Достоевским в главе «У наших» в «Бесах». В это противостояние были вовлечены, с одной стороны, Белинский, Некрасов, Грановский, Чаадаев, Герцен, а с дру-

44 Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 21.

45 См. коммент.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 531. Ср.: [Абашева 2012].

гой стороны — Гоголь, Шевырѐв, Пётр Киреевский, Николай Языков, Константин Аксаков. Достоевский был хорошо знаком с этим конфликтом как в силу своей дружбы с Белинским, пришедшейся на пик полемики, так и благодаря вхождению в кружок петрашевцев позднее, когда он отделился от Белинского.

7

Как известно, первоначальным замыслом Достоевского было собрать в романе за одним столом полемистов сороковых годов. Достоевский называет среди них Белинского, Грановского, Чаадаева и «Пушкина даже»:

Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм[ер], Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов...⁴⁶

Как видим, сам этот замысел включает в себя любопытную подмену: с либералами сороковых годов, Белинским, Грановским и Чаадаевым, должны были спорить не их современники, славянофилы — Шевырѐв, Киреевский, Языков, — а шестидесятники, Павел Прусский и Константин Голубов. По мысли Достоевского, именно они, воплотившие в себе положительные идеалы почвенничества, и стали истинными «новыми людьми»:

А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Прусском, о котором напечатана статья с выписками в июньском 1 номере «Русского вестника». Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей⁴⁷.

В то же время черты славянофилов и почвенников сороковых годов, Гоголя и Языкова, отразились в пародийном зеркале — КЛ. Важную, близкую авторской роль в этой полемике Достоевский отводил «Пушкину даже», который, по мнению писателя, к этому времени уже перестал быть «свистуном и либералом». Можно только удивляться тому, почему этот перелом Достоевский считал благотворным для Пушкина и губительным для Гоголя. Возможное объяснение состоит в том, что идеологическая перемена, по мысли Достоевского, обусловила взлет творчества Пушкина, но для искусства Гоголя оказалась губительной. На примере отношения Достоевского к Гоголю можно увидеть, что оценка, которую Белинский дал Гоголю в своем знаменитом письме, сохранила для Достоевского свою ценность, и к творчеству Гоголя он продолжал относиться в целом как Белинский, признавая художественную ценность «Мерт-

46 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 118. Письмо Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову, 25 марта (6 апреля) 1870 года.

47 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 328. Письмо Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову, 11 (23) декабря 1868 года.

вых душ», но не «Переписки». Иначе обстояло дело с Пушкиным. В период работы над «Бесами» способность свернуть с ложного пути либерализма и западничества на светлый путь национального сознания Достоевский считал сильной стороной пушкинской личности, не оцененной Белинским и недоступной другим либералам, Герцену прежде всего⁴⁸.

Принимая во внимание антитетичность романа, уже не кажется парадоксальным то, что время работы над «Бесами» стало пиком отрицательного отношения Достоевского к Белинскому. Суждения Белинского, отражавшие стремление критика утвердить в литературе жесткий эстетический и идеологический канон, вызывали резкое неприятие Достоевского. Это привело писателя к желанию создать некий антиканон, воплощенный в поэте, который бы соединял в своей личности и своем творчестве черты тех авторов, которых Белинский активно критиковал: Бенедиктова, Мятлева, Гоголя времен «Переписки», Николая Языкова. Попал в эту компанию и Третьяковский, воплощавший в себе, по мнению Белинского, худшие черты русского поэта. Оказались здесь и, так сказать, смежные с Третьяковским русские третьестепенные поэты, Афанасий Анаевский прежде и более всего. Черты всех этих поэтов отразились в личности и творчестве КЛ. Можно заключить, что КЛ стал олицетворением дурновкусыя и «неблагопристойности» по версии Белинского.

8

Сложность и эстетическая амбивалентность образа КЛ приводят к тому, что мы не можем с легкостью определить, с какой степенью симпатии или антипатии Достоевский относился к тем чертам, которыми он наделяет своего героя. Скорее всего, мировоззрение и творчество КЛ — это один из примеров воспроизведения чужого сознания, характерного для романного творчества Достоевского. В то же время, несмотря на разную природу черт, составляющих творчество и личность КЛ, представляется возможным утверждать роль КЛ как универсального трикстера. Все принижается и переваривается мощным творческим желудком КЛ. Именно эта всеядность роднит КЛ с таким незаурядным явлением, как русская третьестепенная поэзия сороковых-пятидесятых годов. Воплощением ее стало творчество короля «серобумажных» поэтов Афанасия Анаевского. Близок КЛ и Третьяковскому, трикстеру среди поэтов XVIII века.

При этом идеологическая и эстетическая амбивалентность КЛ не мешает, а может быть, даже способствует тому, что КЛ воплощает в себе некоторый универсальный путь русского писателя от оппозиционности раннего творчества до раскаянности и комформизма позднего. Начавший свой творческий путь в революционной среде и выражающий социальную тематику в стихотворениях «Здравствуй, здравствуй, Гувернантка» и «Светлая личность», КЛ заканчивает свой путь «раскаявшимся грешником». Не так уж важно, что первое стихотворение принадлежит КЛ только отчасти, а второе и вовсе принадлежит не ему: в этом отношении КЛ в мире романа «Бесы» следует за Пушкиным, которому приписывались все вольнолюбивые произведения его эпохи.

48 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 207—208.

Модель творческого пути русского поэта, воплощенная в образе КЛ, приобрела особую актуальность в XX веке. Эта модель нашла отражение в творчестве и судьбе художников, для которых была близка не только эстетика абсурда и шутовство КЛ, но и финал его трагической судьбы в форме гибели и «сдачи». Мне кажется, именно потому, что Шостакович осознавал драму жизни КЛ как вечно актуальную для русской литературы, композитор поставил свой цикл, сочиненный на стихи Лебядкина, в один ряд с циклами на стихи поэтов, чьи судьбы включали гибель и «сдачу» в конце жизни: Блока, Цветаевой, Пушкина. Как признавался сам композитор, «в образе капитана Лебядкина много от шута горохового, однако в нем гораздо больше чего-то зловещего. У меня получилось очень зловещее произведение»⁴⁹. Возможно, зловещим КЛ в глазах Шостаковича делало то, что самокапитуляция стала вечно актуальной темой для русской культуры.

Библиография / References

- [Абашева 2012] — *Абашева Д. В. Г. Белинский и Н. М. Языков* // Парус. 2012. № 18 (<http://parus.ruspole.info/node/3304> (дата обращения: 06.09.2016)).
- (*Abasheva D. V. G. Belinskiy i N. M. Yazykov* // Parus. 2012. No. 18. (<http://parus.ruspole.info/node/3304> (accessed: 06.09.2016)).)
- [Акопян 2004] — *Акопян Л. О. Дмитрий Шостакович: опыт феноменологии творчества*. СПб.: Рос. Акад. наук, Гос. ин-т искусствознания, 2004.
- (*Akopyan L. O. Dmitriy Shostakovich: opyt fenomenologii tvorchestva*. Saint Petersburg, 2004.)
- [Бахтин 2002] — *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского* // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002.
- (*Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo* // Bakhtin M. M. Sbranie sochineniy: In 7 vols. Vol. 6. Moscow, 2002.)
- [Бланк 2012] — *Бланк К. Стихи капитана Лебядкина: Шостакович и Достоевский* // Opera Musicologica. 2012. № 3. С. 23—42.
- (*Blank K. Stikhi kapitana Lebyadkina: Shostakovich i Dostoevskiy* // Opera Musicologica. 2012. No. 3. P. 23—42.)
- [Бухштаб 1972] — *Бухштаб Б. Я. Поэты 1840—1850-х годов*. Л.: Советский писатель, 1972.
- (*Bukhshtab B. Ya. Poety 1840—1850-kh godov*. Leningrad, 1972.)
- [Гинзбург 1972] — *Гинзбург Л. Русская лирика 1820—1830-х годов* // Поэты 1820—1830-х годов / Ред. Ф. Я. Прийма и др. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1972. С. 5—66.
- (*Ginzburg L. Russkaya lirika 1820—1830-kh godov* // Poety 1820—1830-kh godov / Ed. by F. Ya. Priyma et al. Leningrad, 1972. P. 5—66.)
- [Жолковский 1994] — *Жолковский А. К. Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие)* // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994. С. 54—68.
- (*Zholkovskij A. K. Grafomanstvo kak priem (Lebyadkin, Khlebnikov, Limonov i drugie)* // Zholkovskij A. K. Bluzhdayushchie sny i drugie raboty. Moskow, 1994. P. 54—68.)
- [Карпов 1997] — *Карпов А. А. «Мы весело, шумно жили!» (Н. М. Языков и иллюстрации А. А. Агина к «Мертвым душам»)* // Пушкин и другие: Сб. ст.: К 60-летию проф. С. А. Фомичева / Науч. ред. и сост. В. Кошелев. Новгород: Новгородский гос. ун-т, 1997. С. 247—256.

49 *Шостакович Д. Д. Письма к другу. Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману*. СПб.: Композитор, 1993. С. 202. Из письма Д. Д. Шостаковича И. Д. Гликману 23 августа 1974 года.

- (*Karпов А.А.* "My veselo, my shumno zhili!" (N.M. Yazykov i illyustratsii A.A. Agina k "Mertvym dusham") // Pushkin i drugie: Sb. st.: K 60-letiyu prof. S.A. Fomicheva / Ed. by V. Koshelev. Novgorod, 1997. P. 247—256.)
- [Кирпотин 1976] — *Кирпотин В.* Достоевский и Белинский. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1976.
- (*Kirpotin V.* Dostoevskiy i Belinskiy. Moscow, 1976.)
- [Летопись 1999] — Летопись жизни и творчества Достоевского: В 3 т. Т. 1. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
- (Letopis' zhizni i tvorchestva Dostoevskogo: In 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 1999.)
- [Липовецкий 2009] — *Липовецкий М.* Трикстер и закрытое общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 224—245.
- (*Lipovetskiy M.* Trikster i zakrytoe obshchestvo // Noveoe literaturnoe obozrenie. 2009. No. 6. P. 224—245.)
- [Мелетинский 2001] — *Мелетинский Е.М.* Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001.
- (*Meletinskiy E.M.* Zametki o tvorchestve Dostoevskogo. Moscow, 2001.)
- [Мирский 1992] — *Мирский Д.С.* Языков // Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange, 1992. С. 168—170.
- (*Mirsky D.S.* Yazykov // Mirsky D.S. Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen do 1925 goda. London, 1992. P. 168—170.)
- [Пыпин 1905] — *Пыпин А.Н.* Н.А. Некрасов. Стремя портретами. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905.
- (*Pypin A.N.* N.A. Nekrasov. S tremya portretami. Saint Petersburg, 1905.)
- [Рейтблат 1989] — *Рейтблат А.И.* Анаевский Афанасий Евдокимович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь: В 7 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 62.
- (*Reytblat A.I.* Anaevskiy Afanasiy Yevdokimovich // Russkie pisateli. 1800—1917. Biograficheskiy slovar': In 7 vols. Vol. 1. Moscow, 1989. P. 62.)
- [Тынянов 1931] — *Тынянов Ю.Н.* Предисловие // Мнимая поэзия. Материалы по истории русской поэтической пародии XVIII и XIX веков. М.; Л.: Academia, 1931. С. 5—9.
- (*Tunyaanov Yu.N.* Predislovie // Mnimaya poeziya. Materialy po istorii russkoy poeticheskoy parodii XVIII i XIX vekov. Moscow; Leningrad, 1931.)
- [Тынянов 1977а] — *Тынянов Ю.Н.* О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284—310.
- (*Tunyaanov Yu.N.* O parodii // Tunyaanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow, 1977. P. 284—309.)
- [Тынянов 1977б] — *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198—226.
- (*Tunyaanov Yu.N.* Dostoevskiy i Gogol' (k teorii parodii) // Tunyaanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow, 1977. P. 198—226.)
- [Фридлиндер 1987] — *Фридлиндер Г.М.* Достоевский и Гоголь // Достоевский: материалы и исследования / Ред. Г.М. Фридлиндер: В 20 т. Т. 7. Л.: Наука, 1987. С. 3—21.
- (*Fridlender G.M.* Dostoevskiy i Gogol' // Dostoevskiy: materialy i issledovaniya / Ed. by G.M. Fridlender: In 20 vols. Vol. 7. Leningrad, 1987. P. 3—21.)
- [Цейтлин 1930] — *Цейтлин А.Г.* Литературная пародия и классовая борьба // Русская литературная пародия / Ред. Б. Бегак, Н. Кравцов, А. Морозов; вступ. ст. А. Цейтлина и Л. Гроссмана. М.; Л.: Госизд-во, 1930. С. 5—38.
- (*Tseytlin A.G.* Literaturnaya parodiya i klassovaya bor'ba // Russkaya literaturnaya parodiya / Ed. by B. Begak, N. Kravtsov, A. Morozov. Moscow; Leningrad, 1930. P. 5—38.)
- [Чуковский 1949] — *Чуковский К.И.* Григорий Толстой и Некрасов: к истории журнала «Современник» // Литературное наследство. Т. 49—50. Н.А. Некрасов. I. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 365—396.
- (*Chukovskiy K.I.* Grigoriy Tolstoy i Nekrasov: k istorii zhurnala "Sovremennik" // Literaturnoe nasledstvo. 1949. Vol. 49—50. N.A. Nekrasov. I. Moscow, 1949. P. 365—396.)
- [Cox 1984] — *Cox R.L.* Stavrogin and Prince Hal // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1984. Vol. 26. No. 2/3. P. 121—126.
- [Serman 1981] — *Serman I.Z.* Стихи капитана Лебядкина и поэзия XX века // Revue des Études Slaves. 1981. Т. 53. P. 597—605.
- (*Serman I.Z.* Stikhi kapitana Lebyadkina i poeziya XX veka. Revue des Études Slaves. 1981. T. 53. P. 597—605.)